

4. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 39.
6. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 41.
7. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 57.
8. ИИАК. Вып. 5. Приб. СПб., 1903. 98 с.
9. ОАК за 1902 г. СПб., 1904. 199 с.
10. Первушкин В.И. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. Пенза, 2008. 191 с.
11. Спицын А.А. Древности Пензенской губернии // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения». Вып. VII. Пенза, 1925. 23 с.

А.В. Павлов

Самарский национальный исследовательский университет

**БОГОХУЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ «КАБАЦКОЙ КУЛЬТУРЫ»
В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОН. XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ САМАРСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ
И САМАРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА)**

В современной исторической науке утвердилось мнение, что в пореформенной России наблюдается «медленная секуляризация массового сознания» [8, с. 410-411]. Ее сопровождали и нарушения постов, и редкие походы в церковь, и нарушения благочиния в церквях. Вместе с тем, росло и число оскорбительных и непочтительных использований имени Бога [16, с. 186], поруганий словом или делом объектов религиозного почитания [5, с. 5] или коротко говоря, богохульств. Богохульство как практика – это крайне агрессивный способ общения со святыми и в отличие от большинства других он непр provокативен [1, с. 15], то есть не ставит целью получение благодати от Всевышнего. Суть в обратном – наказать за равнодушие.

Как рождается ситуация, в которой богохульник считает уместным грубо высказаться об объекте культа? Какие факторы способствуют его агрессии? Считает ли богохульник свои действия чем-то аморальным, неправильным?

Для ответа на эти вопросы стоит обратиться к архивным материалам – фондам Самарской духовной консистории и Самарского окружного суда. В одном из дел читаем следующее: в 1910 году в селе Хворостянка в доме крестьянина Дмитрия Босырева встретились Федор Манаков и Андрей Тимофеев Иванищев. Последний был «сильно выпивши» и стал просить деньги на водку у Манакова. Когда тот отказал, то обругал его площадной бранью. «Негоже браниться перед большим праздником», – сказал Манаков, на что Иванищев ответил: «Мать твою ети, и с Воскресеньем, и с церковью», после чего обругал скверноматерными выражениями Бога и Богородицу [11, л. 2].

Этот пример интересен тем, что содержит в себе большинство факторов, порождающих богохульство: здесь есть и нетрезвое состояние богохульника, и конкретная фраза, вызывающая, в данном случае, словесную агрессию. Дополнить эти данные можно и другим примером: В мае 1890 года в деревне Алешкиной решался вопрос о выделении денег на украшение храма в селе Кроткове. Один из крестьян, не желая платить говорил: «Не знаю когда эта церковь провалится сквозь землю», после чего обругал ее скверноматерными словами [15, л. 4].

Итак перед нами есть следующие составляющие: 1) нетрезвое состояние обвиняемого в богохульстве; 2) сквернословие; 3) богохульство как реакция на проявление сакрального мира в профанном.

Сразу обращает на себя внимание именно нетрезвое состояние богохульника. Как правило, в состоянии опьянения человек «говорит много и громко, не стесняясь подчас в выражениях» [6, с. 75]. Его поведение достаточно вызывающе, кроме того, пьяный стремится выразить свою агрессию на чем-либо, находящемся рядом. Отчаявшийся человек шел служить кабаку: «Гнетущая скука жизни при крайней скудости духовных интересов, столь свойственная нашим уездным захолустьям», вела напрямик в кабак [3, с. 170].

Схожий акт богохульства произошел и у общественного магазина села Жестянки, где произошел спор о вере между мещанином города Николаевска Филиппом Ивановым Шаховым и церковным старостой Андреем Бурувым. Во время разговора мещанин был «сильно выпивши» и позволил себе сказать «мать его ети отца Серафима» [11, л. 2].

В то же время и сам факт пьянства мог становиться поводом для агрессии – например, в 1891 году в с. Курумоч случилось чаепитие в одном из домов. На нем присутствовали крестьяне Федор Киреев и Владимир Капустин. Последний на чаепитие принес бутылку водки. Его супруга, Аксинья Фомина, увидев бутылку, разбила ее об стол и швырнула осколками в икону Иоанна Предтечи, попав и в портрет царя. На фразу «что ты делаешь? разбила и царя и икону!» она ответила: «Черт с вами, с царями и иконами вашими!» [13, л.2-5].

Второй фактор – скверноматерная брань. Ее употребление известно достаточно широко – нередко речь простонародья была «настолько насыщена непристойностями» [7, с. 46], что упоминания Бога и святых то и дело перемежались с матерщиной. Кроме того, сам мат это и средство «адаптации к сверхсложным условиям» [4, с. 14].

Третий фактор – агрессия на синонимичное «побойся Бога!» выражение. Здесь важно то, что богохульник часто говорит об этом аффективно, явно не осознавая смысла сказанного им. Типичный тому пример: 20 января 1909 года в селе Родионовка в одном из домов было застолье. Неожиданно на него ворвался крестьянин Иван Кириллов Руднев и стал браниться на сидящих в избе. Один из участников собрания, Иван Мишин. заме-

тил ему: «Иван Кирилыч, ты бы сперва шапку снял, да Богу помолился», на что Руднев сказал: «Да мать вашу ети, и с вашим Богом» [10, л.2].

Так, мы видим, что Богохульство с психоэмоциональной точки зрения— это реакция раздосадованного, выведенного из нормального состояния человека на «раздражитель»-Церковь или различные ее составляющие, упоминаемые в разговоре. Богохульство в таком понимании можно характеризовать как кабацкий текст, не только формально (пьянство, ругань), но и внутренне, где важно настроение, состояние: «жуть, грустно и обидно» [2, с. 205].

Подводя итог, отметим, что в представленных делах в первую очередь виден отчаявшийся человек, который своим эмоциональным порывом выражает горечь от несоответствия ожиданий действительности. Наноса оскорбления Богу (не всегда осознанно), человек тем самым наказывал его за его безучастность в своей жизни. Соответственно, согласно типичной для русской культуры дуальности, человек, если и не может найти надежду на благодать вне церкви, то может найти источник утешения вне ее — в том же кабаке, пространстве, функционально противоположном церкви, одной из форм мира «черной культуры» [9, с. 86]. Кроме того, проявляется и агрессия в отношении церкви, святых, предавших веру в них простого человека. Агрессия эта так же обращена и в адрес того, кто взывает к совести бранящегося — того, чья вера в святого еще была велика. Таким образом, обида на святого выливается в наиболее низкий вариант общения с сакральным — собственно фамильярное избиение святого, непр provokativная агрессия, богохульство, происходящее с еще более низкого уровня, где присутствует пьянство, ругань, неуважение и неразумие.

Библиографический список

1. Антонов Д.И. Два «тела» иконы: общение с образом как апроприация силы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 7 (40). С. 9–34.
2. Гавриков В. А., Кихней Л.Г. «Кабацкий локус» в русской поэзии XX века: статья вторая // Новый филологический вестник. 2020. №2 (53).
3. Горюшкина Н.Е. «Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 166-176.
4. Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1.
5. Лукьянов С.А. Богохульство как вид религиозного преступления в древнерусском и российском законодательстве в X — начале XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. М., 2013. №9.
6. Каннель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914.
7. Колоницкий Б. «Трагическая эрогика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
8. Миронов Б.Н. Российская империя. От традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб., 2015.
9. Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 6376.
11. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6494.
12. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6500.
13. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 7892.
14. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 232.
15. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 389. Л.4.
16. Шербина Ю. «Ощущаем и неверующим в него». Заметки о богохульстве. // Нева. СПб., 2017. №7.

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: БЕЗ КРЕСТЬЯН

Первое десятилетие XX века отмечено в истории России расширением, как поля политики, так и состава субъектов политического процесса, решительно вышедшего за рамки семейных склок эпохи старого порядка. Энергично разводя по периметру пространства власти, традиционно скреплявшие его институты патримониальной монархии, либеральные сообщества создавали угрозу обрушения всей имперской конструкции, принуждая правительство наполнить его новыми органическими элементами, роль которых должны были сыграть политические партии.

Модернизация архитектуры государственного строя в октябре 1905 года направила креатив общественных движений в область пропаганды и электоральной агитации, где конкурируя за благосклонность избирателей, они вынуждены были формулировать и представлять свои аграрные программы, являвшиеся – по мнению одного из наиболее авторитетных сталинских интеллектуалов, – в истории русской революции одним из стержневых вопросов, у всех сколько-нибудь серьезных политических организаций [5, с. 483–492].

Так, партия народной свободы в своей программе упирала на проведение таких реформ, как национализация большей части помещичьих земель и распределении их среди крестьян на правах пользования. В отличие от социалистов, которые не имели конкретного плана решения аграрного вопроса, они предлагали более долгий, но и более спокойный путь изменений российского общества. Довольно заманчиво для крестьянства должны были выглядеть программы октябристов и эсеров. Не брезговали политтехнологи начала века и черным пиаром. Широкое распространение получили такие приемы, как подброс противоправительственных брошюр и прокламаций на заводах [1, оп.2. д.4. л.3; оп.2. д.8. л.4], в селах [1, оп.2. д.4. л.4] и в учебных заведениях (гимназии) [1, оп.2. д.4. л.1], в которых совершивших